

ЛИЛИЯ ЛАРГУС

УМРИ КАК СЛЕДУЕТ

Лилия Ларгус

Умри как следует

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38571226

ISBN 9785449353443

Аннотация

Ира выросла в семье, которая ей с самого начала не была рада. Повзрослев, она начала свою собственную, независимую жизнь. И вот настал день, когда бывшая её семья погибает. Казалось бы, вот, теперь всё кончилось! Но нет, теперь-то и пришло время выяснить отношения с погибшими родственниками...

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Умри как следует

Лилия Ларгус

© Лилия Ларгус, 2018

ISBN 978-5-4493-5344-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лилия Ларгус

Часть 1

Самые страшные вещи в мире происходят, никак не будоража нашу интуицию.

1.

Был вечер июня, когда две машины двигались в сторону города из дачного поселка. Солнце стояло довольно низко, трасса после дождя превратилась в настоящее зеркало, было душно. В первой машине ехали четверо, Алексей и Светлана Костровы, обоим под пятьдесят, их старшая дочь, избалованная студентка Лена, и младшая пятилетняя Кристина. Алексея мучило похмелье. Раздражали блики на дороге. Раздражали жена и дочери. Особенно жена. «До чего же она растолстела. Стала почти копией своей матери. Если посмотреть в профиль, то и видишь-то сразу четыре подушки – второй подбородок, грудь, верх и низ живота – все почти одинакового размера. Гусеница хренова. А ведь женился, как говорится, на женщине прехорошенькой! И тихой... Он чувствовал, как в висках пульсировало, и от трескотни женских голосов, казалось, головная боль усиливалась. Да еще эта собака, которую всегда тошнит в пути, скулит в багажнике. Опять всё заблюет там...

Во второй машине обстановка была немногим лучше. Открыть окна и прогнать духоту было нельзя: «Ты простудишь

детей!»), и водитель, опустивший было стекло и закуривший сигарету, с досадой выбросил её в окно, поднял стекло и нахмурился. Его тоже мутило, хоть и поменьше. Звали парня Игорем, ему было двадцать четыре, с женой, Натальей, они были ровесниками. Четырехлетний Юра и Оксана двух лет сидели сзади в детских креслицах. Даже они чувствовали напряжение, сгустившееся в салоне автомобиля, и сидели тихо. Все устали.

Перед машиной Алексея тащился старенький жигуленок.

– Давай, старый хрыч, жми на педаль!

– Успокойся! У тебя дети в машине! – Светлана строго поджала губы. Дети. Точно. И племянник с семьей в машине, следующей сзади. Тот еще водила... Алексей сделал попытку обогнать жигуленок, но на встречной ему сразу сердито засигналил синий внедорожник.

– Да чтоб тебя! – Алексей чувствовал нарастающее раздражение.

Игорь увидел попытку Алексея и загнусавил:

– Ну, давай уже, обгоняй это ведро!

Алексей снова прижался влево. Солнце и светящееся плотно дороги мешали рассмотреть, что происходит впереди.

– Осторожно ты!

Он с досадой покосился на жену. Вечно лезет с комментариями. Будто сам не знает. Собака заскулила за задним сиденьем.

– Тихо, Герда! – раздраженно прикрикнула Лена. Ох уж

ей эти семейные выезды! Раздражали демонстративно чинные посиделки с родителями и младшей сестрой, раздражал Игорь со своей семьей. Зачем они его к себе вытащили?! Всем было неприятно вспоминать, с чего началась эта «дружба семьями». Это мать еще пытается сделать вид, что всё было сделано с некой великой целью, но остальные просто молчали и понимали, что вряд ли стоит ему бывать и в доме их, и на даче.

Игорь тоже знал это, даже лучше всех других. Наталья не знала, но тоже чувствовала напряженность и фальшь этих отношений. И как это тогда у него прокатило?! Он поверить не мог сам себе, каждую минуту ждал разоблачения, а ведь прокатило! Прокатило! И теперь поздно было доставать правду на свет, приходилось поддерживать эту комедию, терпеть. Он чувствовал себя приниженным в компании тетки и ее мужа, нервничал, много пил, много говорил и громко смеялся. Только бы не вспоминать, как началась эта «крепкая дружба». И потому так часто в красках рассказывал эту историю, так часто, что и сам верил, что это он, он жертва! Но иногда спьяну злился и даже рыдал пару раз. И возможно, повторись все сначала, так бы не поступил с матерью...

Почему-то в этот вечер и пассажиры первой машины вспоминали эту историю. Лена отвернулась к окну и подумала, что если б тогда была поумней или постарше, то сейчас бы не пришлось терпеть еще и этого Игоря, не прихо-

дилось бы теперь иногда чувствовать себя так мерзко, ведь он своим присутствием, своей суетливой манерой поведения как будто специально напоминал ей ту историю, и ее, Ленкина, подлость так и лезла ей на глаза.

Светлана же чувствовала, что семья устала именно от племянника – она и сама жалела, что прибрала его так близко к рукам, но старалась, что называется, держать марку и делать вид, что вот такая вот они все большая дружная семья с крепкими традициями совместного отдыха.

Алексей снова дернулся было влево, и снова вернулся в свою полосу.

Игорь, видя, что дядя никак не обгонит жигуленок, злобно ткнул кулаком в центр руля, машина рывкнула.

– Ты еще там посигналь, сопля! – Алексей чувствовал, что теряет остатки терпения. Хорошо еще, что теща не увязалась с ними на этот раз. «На черта Светка тогда влезла в дела своей сестры?! Отдыхали бы сейчас без прихлебателей! Не впишется парень никогда в нашу компанию, ни за что не впишется...» – подумал он, и вновь выкатившись левее жигулёнка, наконец, увидел пустую дорогу. Прибавил ходу, проворчал: «Наконец-то!», и откинул пульсирующую голову на подголовник.

Василий Петрович бодро держал курс за город. Его «КАМАЗ» только что с ТО, дома на балконе вялились окуни, пойманные за время ремонта машины. Когда он, Василий

Петрович, вернется, рыбка будет уже готова. И они с Валеркой распробуют ее как следует с пивом. Словом, настроение у Василия Петровича было бодрое, приподнятое. Даже захотелось подпеть хриплому голосу, вещавшему по радио что-то про романтику дальних дорог. Машина шла отлично, спасибо Валерке, дельный он механик. Кто сказал, что у Валерки рука несчастливая? Василий Петрович почесал ногу. «М-да. Комары, однако, в этом году чисто бешеные», – подумал он.

– Не торопись, а то успеешь! – весело подбодрил Василий Петрович обгоняющий его серебристый «Фольксваген». Низкое солнце отражалось в зеркале и слепило глаза. «Это хорошо что ты МЕНЯ обгонял, встречные на таком солнце, да на мокрой дороге ничего поди не видят», – подумал Василий Петрович и усмехнулся, – «Мои десять тонн кирпича не вдруг остановишь!» Впрочем, так он думал каждый раз, когда его обгоняли. В глубине души ему тоже хотелось придавить педаль в пол и мчаться с ветерком и в комфорте, а не в КАМАЗе трястись, но себе не признавался, и эта зависть выходила из него желчными шутками, старыми и тысячекратно проверенными. Тем временем машина его довольно резво, пофыркивая, начала взбираться на пригорок.

– Это еще что?! – у Василия Петровича дух перехватило. Черный «Логан» резко выскочил из-за старого жигуленка прямо на него. Василий Петрович изо всех сил надавил на сигнал и на тормоз.

– Уйди, твою мать! – заорал он и замахал рукой придурку за рулем «Логана».

Алексей топнул по тормозу, однако сзади к нему прижался Игорь на своей «Двенашке» и тоже вдавил педаль тормоза до упора. Алексей взмокнувшими руками крутанул руль вправо.

– Держитесь все! – скомандовал он, уже переключив передачу и нажимая на газ. Одна секунда ушла на всё, он опытный водитель, не впервой выруливать из трудных ситуаций.

Василий Петрович жал на тормоз и, словно в замедленном повторе футбольного гола, видел в зеркале, что его прицеп выносит на встречу.

Жигуленок встал. «Логан» ткнулся бампером в бок жигуленку, «Двенашка» поддала «Логану» в задний бампер, Игорь выругался – вместо этого пива на даче нужно было колодки новые купить, ведь как знал! Женщины в обеих машинах закричали. КамАЗ врезался в «Логан», шины закрипели по асфальту. «Логан» развернуло поперёк дороги, Игорь дал задний ход, но подталкиваемый КамАЗом «Логан» развернул его двенашку в другую сторону, тяжело груженная машина продолжил неумолимое движение, сминая зажатый словно между створками пресса «Логан», в котором Алексей отчаянно жал на газ, пытаясь вырваться из смертельных тисков. Прицеп, вылетевший на встречную полосу, ударил в лоб жигуленку, посыпался кирпич, будто камнепад обрушился в горах. Игорь надавил на педаль газа посильнее, силясь вырваться с траектории движения оранжевой грома-

дины, но «Логан» уже смяло со стороны водителя, и со стороны жены Игоря, машины сцепились, и ему никак не удалось вырулить. Светлане зажало ногу, она закричала уже не от страха, а от страшной боли, которая устремилась потоком по всему телу. Собака лаяла без остановки.

– Папа! – взвизгнула Лена и загородила рукой Кристину, как будто это могло помочь. Светлана уперлась обеими руками во вздыбившийся бардачок и попыталась вытянуть ногу – ни на миллиметр.

Нога Алексея тоже оказалась в капкане, он услышал мерзкий хруст и почувствовал резкую боль, будто в ноге лопнул наполненный кипящей смолой шар.

Наташа смотрела на происходящее в соседней машине и не могла отвести глаз. Игорь закричал:

– Да куда ты прешь-то, скотина?! Тормози! – и в его голосе была паника, мгновенно передавшаяся всем пассажирам «Двенашки». Дети заплакали, и Наташа, наконец, смогла отвернуться от окна.

В «Логане» взорвался бак. Последнее, что увидел Игорь в своей жизни – это как пламя вырвалось огромным нарастающим шаром из недр «Логана», выбило стекла «Двенашки» и окатило волной Наталью и его самого, а потом парень зажмурил глаза...

Час спустя конечно, приехали пожарные, Скорая – но кому они уже могли помочь? Тела водителя КамАЗа и жи-

лой пары из старенькой ВАЗ 2103 еще можно было опознать, а две легковушки, подмятые КамАЗом, определялись в основном по VIN номеру двигателя. И лишь остатки отброшенного взрывом детского автомобильного креслица и бело-рыжая собачья лапа говорили об ужасе случившегося, и снились потом Антону, в первый же день службы в МЧС прибывшему на место страшного ДТП. Не в силах никому помочь, тот стоял целых три минуты безмолвно оглядывая следы трагедии, затем снял шлем и закурил...

2.

На следующий день, а точнее следующим погожим утром, Ира Зорина наливала себе в чашку кофе, а своему приятелю чай. Ира приближалась к тому возрасту, который называется средним, ее приятель, Сережка Северов, отставал от нее на этом пути на четыре года.

– Сереж, загляни в Интернет, что там сегодня про погоду пишут? Дождя не будет?

– Ага. А варенье осталось? – не поворачивая головы от монитора спросил он. – Нет, опять не повезло твоим босоножкам, бери зонт, обещают кратковременные дожди.

– А я тебе говорил, покупай кроссовки!

– Твоя бы воля, ходить мне все лето в берцах

– А что? Неплохой вариант! – он посмотрел на нее так, будто прямо сейчас воочию увидел ее в сарафане и в берцах.

– Ну тебя! Ешь давай свое варенье, – Ира не отреагировала на провокацию.

– О, смотри-ка, на выезде из города вчера авария произошла, есть жертвы. Легковушка влетела под «КамАЗ», в нее врезалась вторая, а третью засыпало кирпичом из прицепа. Какие-то там пенсионеры ехали. И представляешь, это все еще и взорвалось.

– А неплохо, что у нас машины нет, правда? – усмехнулась она.

– Что ж в этом хорошего? Вот купили мы с тобой кусок земли, дом построим. Ты из пригорода на работу на лыжах что ли ходить будешь?

– На велосипеде! – засмеялась она.

– На трехколесном! – и они оба весело расхохотались.

Прошла неделя, для Иры и Сережки ничем особенно не отличавшаяся от других рабочих недель, а в следующий понедельник Ирин телефон зазвонил. Номер был неизвестным. Подумав секунду, она ответила:

– Да.

– Ира, здравствуй, это тетя Лида Смирнова, помнишь меня?

– Тетя Лида? – Ирины брови подпрыгнули от удивления.

– Да, еле нашла твой номер, хорошо, что ты номера не меняешь, а то вечно теперь так, дадут номер, а через полгода и поменяют! Что за мода такая?

– Да, повезло. Тетя Лида, что-то случилось, наверное? Чтоб вы меня искали... Ира замялась, чтобы не ввернуть

в вопрос одно нелитературное выражение. Никакие другие слова так ясно не описали бы весь масштаб удивления.

– Да ты сама-то не знаешь, что ли? Новости смотришь по вечерам?

– Нет, не видела никаких новостей в последнее время, – «Потому что с упоением сажала лук, чеснок и петрушку все прошедшие вечера», подумала было Ира – А что такое?

– Да как же так можно?! – Ира почувствовала, что где-то она вчера оставила лужу, и теперь ее порядком натывают туда носом. – Авария произошла такая крупная, а она не знает! – тетка фыркнула.

– А, про аварию слышала краем уха. А что, кто-то из ваших?.. Из наших... Кто пострадал? – Ира не знала, как и сформулировать вопрос, чтобы поторопить тетку с сообщением, и чувствовала, что к горлу подступает истерический, абсолютно неуместный смех. Семь лет спустя ее нашли, самолично позвонили – уже странно, а тут еще авария какая-то.

– Все погибли! Хорошо еще, Нина дома осталась, как чувствовала худое! – врала тетка не моргнув глазом. Мать не поехала, чтобы отдохнуть от внука с его семьей.

– Сердце у нее плохое, постарела мама, – перешла тетка на разговор в стиле Нонны Мордюковой, – проведай ее.

– А где она? В какой больнице?

– Она не в больнице. Она дома.

– И что, прямо хочет меня видеть? – не удержалась Ира.

– Не гневи Бога, проведай мать. Пора уж забыть все обиды, – назидательно сказала тетка Лида, – одна она у тебя.

– Ладно. Завтра после работы зайду.

– Зайди. И паспорт захвати.

– Паспорт? Зачем? – но связь оборвалась. Ира посмотрела на телефон вопросительно, словно тетке в глаза, но ответа естественно не получила.

– Ладно, посмотрим, что вы там задумали, старые заразы! – зло пробурчала Ира и набрала Сережкин номер.

– И что, ты серьезно хочешь туда пойти одна? Серега, ты чего молчишь? – Миша, двадцати шести лет отроду, выглядел едва на двадцать, тощий и конопатый, в майке тельняшке. Он прибился к Сережке с Ирой, как к старшему брату и сестре, часто ночевал у них, советовался по каждому пустяку, и не меньше пяти раз в неделю ужинал у них, а зачастую и ночевал. Миша сидел за рулем Газели, на пассажирских местах сидели Ира и Сережка, оба мрачно молчали. Газель пробиралась по узкой дорожке вдоль панельного дома, в котором жила Ирина мать.

– А что, сам не видишь? Послушает она, как же! – он злился, Ирка иногда становилась упрямой, как баран. Она не особенно рассказывала о своей прошлой жизни, и никак не хотела знакомить его с умирающей матерью, отказалась наотрез от предложения пойти вместе. Он не понимал, обижался,

но чувствовал, что это неспроста. Ирка все же была открытым человеком. Обычно. Но только не в этот раз.

– Ты хоть ори там громче, если что! Мы с Михой моментом подскочим к тебе.

– Ладно, если что – заору так, чтоб у вас тут шины спустило, – пошутила она, но даже не улыбнулась. Ира чувствовала себя не в своей тарелке. Под ложечкой посасывало, давило неприятное предчувствие. Машина остановилась у подъезда, Ира потянула время еще несколько секунд, потом, разозлившись на себя, решительно выскочила из машины, чуть не упала, а затем твердо двинулась к подъезду.

В квартире почти ничего не изменилось, толькохлама вдоль стен еще прибавилось. Пахло елкой, водкой, Корвалолом. Тетка постарела. Предложила тапки, такие грязные, что Ира бы лучше их прямо на туфли надела, но сцепила зубы и переобулась.

– Ну, проходи вот сюда.

Мать лежала на диване, на груди подушек. Прямо-таки не лежала, а возлежала. Она еще больше растолстела, была очень бледной, волосы намокли от пота и прилипли к вискам. У Иры что-то сжалось в животе, когда она взглянула на мать.

– Ну, привет. Как ты? – Ира ожидала, что мать, как обычно это бывало раньше, будет театрально закатывать глаза и хвататься за сердце, но нет, похоже было, что все на этот раз по-настоящему. Мать дышала тяжело, с сипящим ка-

ким-то звуком воздух выходил из ее легких.

– А почему она не в больнице? В таком-то состоянии, – неуверенно обратилась она к тетке.

– Выписали ее, – тетка сделала скорбное лицо и многозначительно посмотрела на Иру. В туалете послышался звук спускаемой воды.

– У вас тут гости?

– Батюшка пришел, – тетка почтительно наклонила голову. «Ну и дела!», – подумала Ира. Ей совсем не нравилось происходящее. Мать наконец открыла глаза.

– Привет! – снова поздоровалась Ира, – Ты хотела меня видеть?

Мать разлепила губы и сипло проговорила:

– Пришла? Вот смотри, как меня боженька наказывает за тебя. Радуйся.

Ира промолчала, она не нашла, что сказать. Сзади подошел батюшка.

– Здравствуйте, – буркнула Ира, – Я – Ира.

– Здравствуй, дочь моя, – профессиональным голосом произнес тот и перекрестил ее. «Тьфу ты, клоун!», – подумала она раздраженно и повернулась к матери:

– Что врачи говорят?

– А что врачи скажут? Спихнули вот домой, да и вся недолга! – подхватила беседу тетка.

– Мать твоя желает последнюю волю тебе сообщить, Ирина, – разъярил наконец священник, – Вот присядь тут и по-

слушай.

Ира села. Все происходящее сильно напоминало какую-то пьесу школьного театра. Впрочем, как всегда. Она собралась с духом и твердо спросила:

– Что ты хочешь, чтобы я сделала для тебя?

Мать смотрела на нее скосив глаза, но не поворачивая головы, вообще никакого особого выражения лицо ее не приняло за прошедшее время. От этого Ира чувствовала себя как-то жутковато. Мать снова разлепила сухие губы:

– Кошку мою забери. Некому за ней больше ухаживать, – на последних слогах голос ее совсем сошел на нет.

– Дайте ей воды, есть чашка и ложка? – обернулась она к тетке. Та с готовностью протянула ей чашку. Ира поднесла ложку ко рту матери и тихо сказала:

– Выпей водички, тебе полегче станет.

Мать открыла глаза, но губы сжала покрепче, дыхание ее участилось.

– Ну – нет, так нет, – Ира вернула тетке чашку. Мать закрыла глаза, полежала несколько секунд молча, снова заговорила:

– Всех похоронила я в городе. Вот Лида тебе бумаги отдаст, за могилами ухаживай, памятники поставь, оградку. Свете петунии посади, она любила...

Снова наступила тишина, прерываемая только тяжелым материнским дыханием и шуршанием рясы батюшки, который очевидно скучал и переминался с ноги на ногу. Ира провела

ладонью по лбу. Мать снова открыла глаза и с явным усилием продолжила:

– А меня в деревне похоронишь, рядом с отцом. Поняла?

– Хорошо, как скажешь.

– Лида, дай ей карту.

Тетка подала Ире вскрытый банковский конверт с пластиковой картой.

– Там пин-код. И деньги. На мои похороны. Все тебе теперь остается. Все, – тон ее изменился, никогда бы она не могла и в страшном сне себе представить, что она, она сама, отдаст все имущество этой девке! И свое, и Светино, доченьки любимой, и дачу – все! Все это должно было достаться Светочке и Светочкиным девочкам, а вот оно как вышло.

– Паспорт принесла? – спросила мать, и слеза злобной досады блеснула в углу глаза.

– Принесла.

– Расписку мне напиши. «Вот теперь я тебя узнаю, старую барахольщицу! – подумала Ира, – Всех по себе судишь, даже последнюю волю в двух экземплярах за подписью двоих свидетелей хочешь расписать!» – а внешне это выразилось только дрогнувшим вниз уголком губ.

– Конечно, какой разговор. Бумага и ручка есть? Тетя Лида, дайте, пожалуйста, из той кучи что-нибудь, коробку или книгу, под листок положу.

– На вот, держи, – тетка готова была послужить у одра умирающей. Иру это раздражало. «Эк вас тянет поиграть

в барынь восемнадцатого века! Тьфу!»

– Сестре моей, да и дочери ее, дуре, с мужиком-алкоголиком, ничего не давай, и не пускай их пожить, проситься будут, это точно. И расписку им не показывай. Никому. А то все по нитке растащат, – она помолчала, – И ты на меня зла не держи, я мать твоя, – она сделала ударение на звании матери и снова скосила на Иру глаза. Никакого раскаяния, ни капельки, ни отблеска не увидела Ира в этих глазах.

– Не буду. Мама, – решительно добавила она последнее слово. У матери злобно дернулась щека.

Через час Ира вышла из подъезда и вдохнула уличный воздух с наслаждением, как будто тюремные ворота за ней закрылись. Сережка выскочил ей навстречу:

– Ты чего там так долго пропадала?! Это кто у тебя?

– Это нам кошка по наследству досталась.

– Фу! Ну и запах ты притащила с собой! Брыкается. Питай ее в кабину, она от свежего воздуха свихнулась, сейчас сбежит!

Вечером все трое сидели в Сережкиной однушке, пили холодное пиво и обсуждали новости этого вечера.

– Ирка, так ты теперь богатая наследница! Вот смотри, Серега, теперь она за тебя не выйдет! – Миша радовался больше всех.

– Ой, пока я богатой наследницей стану, успею в кре-

дит влезть, пожалуйста! Еще нужно проверить, сколько денег на этой карте, а то по расписочке мне предстоит похоронить ее со всеми почестями незаслуженными, да еще в деревню отвезти тело, а потом еще и банкет нормальный организовать, – устало заворчала Ира.

– Так говоришь, батюшка недоволен был? – уточнил Сережка.

– Ну, мне показалось, что он бы сам хотел заняться исполнением последней воли, всеми тратами-затратами.

– Ты зря на батюшку не борщи, может он честный человек! – вступился Миша.

– Да там, ребята, такая обстановочка мрачная, что всякие гадости в голову лезут. Но мне показалось, что у этого батюшки невозможно рожа хитрая. И жадная.

– Нужно будет обе квартирki побыстрее сдать. А потом продать. Тогда мы свой домик в два счета достроим, и на свадьбу останется, да? – улыбнулся Сережка, глядя на Иру. Она оставалась мрачной.

– Еще Светкину квартиру мы, пожалуйста, и сдадим. А вот с этой, материной, еще месяцок, а то и три провозимся.

– Почему? – Миша не донес до рта кусок сушеной рыбки.

– Там три КамАЗа барахла придется на помойку перетаскать, ремонт сделать, вы бы видели эту свалку, – тихо сказала Ира, глядя куда-то вниз, и у обоих мужчин разом появилось предчувствие чего-то неприятного. Никто так толком и не развеселился этим вечером.

Прошло три дня, а Ирин телефон молчал. Прошло пять – ничего не изменилось. И лишь на восьмой день снова позвонила тетка, и по тяжелому вздоху Сережка понял, что Ирина мать умерла.

3.

Гроб в деревню отвез Миша. Сережка ни на секунду не отходил от Иры. Действительно порядочная армия родственников собралась на кладбище, ехали они в заказанном Ирой автобусе следом за Мишиной Газелью. Все что-то говорили, некоторые плакали, все много пили. Ира, Сережка и Миша стояли посреди этой толпы, как архитектурная композиция, никто к ним не обращался, их обходили, через них переговаривались, и только когда копари закончили свою работу, все глаза устремились к ним. Ира сказала спокойно:

– Садитесь в автобус, кафе заказано в городе.

И все пошли занимать места в автобусе. К Сережке подошел какой-то оборванный и заросший недельной щетиной человек:

– Позвольте за упокой новопреставленной... – и просительно заглянул влажными телячьими глазами Сережке в лицо. Сережка держал пакет с «чекушками» и конфетами – как требовала расписка, всем желающим помянуть усопшую, но не числившимся родственником или коллегой, полагалось дарить этакий комплект: 0,25 л водки и горсть конфет. Дурацкий барский жест. Ира предположила, что это требовалось только с одной целью, чтобы большая часть на-

коплений матери была потрачена на нее же, а не досталась Ирке. Сережка не верил, но кто ж их знает? Родственнички и правда к Ире отнеслись как к обслуге, как к наемной распорядительнице похорон, даже не снизошли до разговора. Единицы подошли к ней поздороваться, да и то сделали это сухо, с оглядкой, не заметил ли кто их рядом с Ирой.

Итак, все поехали в кафе. Маленький оборванный человек помахал им на прощание. Он несколько раз перекрестился правой рукой, в левой держа разномастные конфеты. Из кармана заношенного пиджачка выглядывало горлышко водочного шкалика. Он что-то добродушно лопотал, кивал головой, но никто не обращал на него внимания.

Газель и автобус остановились у кафе. Пассажиры выходили из автобуса по большей части нетвердой походкой, непохоже было, что банкет затянется.

Столбы были уже накрыты, Ира встала, подняла рюмку, нерешительно кашлянула, взяла себя в руки и сказала вполне официальным тоном:

– Светлая память, – подняла руку выше, как бы призывая всех присоединиться. – Вспоминайте о ней хорошее, а я не буду вам мешать, нам пора, – выпила, Сережка тоже выпил, оба поставили рюмки на стол и собрались уходить.

– А ты-то сама ничего хорошего не вспомнишь о матери? Так и будешь чуркой стоять?

Все повернулись в сторону говорившего мужчины. Это

был один из братьев Иры, не то двоюродный, не то еще более дальний родственник. На него шикнули, но он не сдался:

– Нет, мне интересно! Пусть скажет хоть что-нибудь.

Сережка взял Иру за руку, пальцы ее были холодными.

– А может у тебя есть вопрос поконкретней, Толик? – тихо, но без тени страха спросила Ира.

– Есть и поконкретней! – Толик был лет пятидесяти пяти, высок, худ и в стельку уже пьян, а потому отчаянно храбр, – Так вы и остались врагами? Ты теперь наследство получила, – слово «наследство» он насмешливо растянул, и наша троица поняла, в какое русло повернул разговор, – Чем мать-то отблагодарила, а? – спросил он заводясь и громко засопел в усы. Сережка тихо шепнул:

– Ирка, бежим отсюда, а?

– Отвечу. Я, Толик, с вами всеми тут не меньше семи лет не виделась. Вот, – она показала рукой на правый фланг стола, – тетя Лида мне позвонила и все печальные новости сообщила. Я приехала к матери, – ей было непривычно так ее называть, по большей части Ира обращалась к ней по имени отчеству, но так уж сложилась беседа, – все ее распоряжения последние мы тщательно записали, в двух экземплярах и при двух свидетелях, она попросила зла на нее не держать, я пообещала.

– И все? – Толик поднял брови, казалось, все они ждали долгого слезного рассказа. Плохо они Ирку знали. Она стала будто вся из железа и камня.

– Вот бы нам на эту расписочку взглянуть, я вот лично Ирке ни капли не верю! Я ее матери племянницей приходилась и на семь лет ее не бросала, а последнюю волю почему-то Ирка записала! И при каких еще там свидетелях?! – и все собрание вдруг заговорило одновременно.

– Ну, я свидетель! – легко перекрыла гул тетка Лида, – Да еще батюшка, который ее отпевал, отец Григорий. Могу подтвердить, что так и было, – она ткнула себя пальцем в грудь, – МНЕ поверите? – и, облокотившись на стол, с вызовом обвела взглядом весь ряд сидящих напротив племянников и племянниц. Это был несколько неожиданный поворот, родственники на пару секунд растерялись и замолчали.

Сережка решительно схватил Иру и Мишу за локти, толкнул влево к выходу и злым шепотом скомандовал:

– Бежим, пока драка не началась! – через мгновение после их исчезновения из-за стола гости уже загомонили, застучали кулаками по столу, на тетку Лиду посыпались возмущенные вопросы и некрасивые слова, и бегства никто не заметил.

Сережка, Ира и Миша сидели за маленьким кухонным столом. От этих похорон остался пренеприятный осадок у всех троих. Сережка чувствовал себя обязанным взять ситуацию в свои руки.

– А мы что, так и будем чай пить? В такой день положено покрепче что-нибудь принять. Миша, сгоняй в магазин. Ира, давай что-нибудь приготовь на закуску! – это сработало,

Миша и Ира отправились выполнять указания. Через пятнадцать минут Сережка готов был приступить ко второму акту.

– С такими родственниками и я бы не захотел дружить, – сказал он.

– Да уж, это точно, – подхватил Миша.

– Ничего, все наладится. Вот завтра переедем, и некогда тебе будет грустить, – он говорил уверенно. Будущая жена рассеянно оглядела штабеля коробок и кучи пакетов.

– Да, конечно.

Завтра они переедут на съемную квартиру, так они решили еще полгода назад. Деньги от продажи Ириной квартиры пошли на покупку небольшого участка земли в пригороде, а его, Сережкину, квартиру продают, чтобы построить домик. Конечно, все не так просто, и через неделю еще не будет все готово, но участок был уже с готовым фундаментом, да к тому же с водяной скважиной, так что часть проблем с их плеч как бы уже упала, и дело обещало закрутиться быстрее. И Сережка знал, что Ирина печаль быстрее рассеется, как только мысли ее унесутся к будущему их семейному очагу.

4.

Следующее утро было свежим, погожим, день обещал как следует разогреться. Яна, круглолицая, розовощекая, крепкая девица лет двадцати пяти, открыла двери сельского магазина, пощурилась на солнышко и уже собралась было заку-

ритель, как заметила, что на крыльце сбоку спит, неловко привалившись к стене, местный дурачок, Илюша. Илюше было уже под шестьдесят, но ум его так и остался примерно в возрасте пяти лет. Безобидный, как бездомная собачонка, грязный и лохматый, всегда готовый поддержать любую компанию. Его жалели, подкармливали, он часто ночевал на улице летом, наугощавшись досыта у мужиков каким-нибудь дешевым пойлом.

– Илюша, доброе утро! С кем вчера чего праздновал? – весело спросила Яна. Илюша медленно поднял голову и повернулся к ней.

– Господи! Кто это тебя так?! – испугалась Яна, у Илюши заплыл глаз, похоже был разбит или даже разорван нос, сильно распухли губы. Яна не на шутку разозлилась, это все равно что собаку бездомную избить!

– Наташка! Звони в медпункт! И участковому тоже звони! Илюшку нашего кто-то избил! Гляди-ка, у него рука сломана, набок висит! Илюша, где тебя так угораздило?!

– Вчера на погосте, – с трудом прошамкал Илюшка. Его вырвало. Яна нахмурилась:

– Ты что, Илюша, землю ел?

– Ага, – кивнул тот, – Как не есть, – он криво улыбнулся распухшим ртом, и Яна увидела, что у него нет больше передних зубов. Ни одного.

5.

Сережка руководил уже вторым переездом и чувствовал

себя опытным в этом деле. Сначала перевезли кошек – его поджарую черную Матильду, Ириноного рыжего увальня Ваську и полученную по наследству (это звание так и закрепилось за ней) трехцветку Мурку. Это был самый сложный этап, и он прошел благополучно, поэтому никто уже не расстроился из-за нескольких чашек, рюмок и тарелок, коробку с которыми уронил Миша. Коробка с печальным звоном прокатилась по всем десяти ступенькам лестничного марша и Ира с Сережкой только махнули руками в ответ на испуганное Мишино «Ой, мамочки!». Герань оставили старушке тете Дусе со второго этажа, она прослезилась и перекрестила их на дорожку. Жизнь возвращалась в прежнее доброе русло.

6.

Вперед. Быстрей. Быстрей. Не останавливаться. Она бежала. Зачем? Она не могла сказать. Она вообще с трудом могла говорить. То, что происходило внутри нее, не складывалось в слова. К тому же, чтобы что-то сказать, нужно было вдохнуть. Язык плохо слушался. И губы. Чаше, чем слова, получалось нечто среднее между криком и рыком. Все тело плохо слушалось. Руки, например, действовали, как молот или клещи. Если бы ей пришлось в голову нажать кнопку пальцем, вряд ли это бы ей удалось. Хотя такие мелочи в голову и не приходили. Только зудящее неотступное беспокойство гнало ее вперед. Машины мешали. Сигналили и отвлекали ее, она останавливалась, оглядывалась, не соображая,

что от нее хотят. Машины объезжали ее, а она кричала им вслед:

– ЫЫЫгrrрааааааау! – и снова шла вперед, и снова переходила на бег. Вчера эта глупая женщина разъярила ее, она не помнила, чем именно. Помнила, что спрыгнула на землю, на вскопанную рыхлую землю, замерла – земля полностью завладела ее вниманием, всем, на какое она только была способна. Она загребла непослушными руками землю к себе, вдруг новое дикое неуправляемое желание завладело ею. Она яростно принялась раскапывать землю, рыла, рыла, пока не опрокинулась в выкопанную яму. И почувствовала покой, полежала так. Поднялась и раскопала яму вглубь и вширь. Неуклюже забралась в нее, перевернулась на спину и замерла, глядя неподвижно в небо. Где-то кричал человек... Ее это не касалось... Наконец... А потом пришла собака. Чертова собака пришла и разбудила ее от ее сладостного оцепенения. Она скосила глаза, рассматривая пса. Большой. Смутный образ прозрачной дымкой промелькнул в голове, что-то про такую же собаку. Она не помнила. Пес деловито обнюхивал ее, стоя справа на краю ямы. Потом спустился вниз и встал лапами прямо на ее живот. Она вдохнула:

– Эгrrrrrrффыыыы!.. – проворчала угрожающе. Собака мешала ей, раздражение снова заполняло все ее существо. Пес схватил зубами ее руку. Она вдохнула снова:

– Ээээгrrrrрфффааа! – неловко махнула свободной ле-

вой рукой. Что она могла вытворять своими руками в темноте! Днем она ничего такого не могла. Да и собаки днем ничего не могли, похоже, ей сделать. Лаять лаяли, да еще мухи кружились вокруг. А ночью собаки кусали, по-настоящему, пытаясь откусить кусок ее тела. Псина отшатнулась, но не убежала, а затопталась на ее теле, разворачиваясь, чтобы убежать той же дорогой, какой пришла.

– Аааасобака! – выговорила она все же, схватила мохнатую лапу и рванула на себя. Собака завизжала и, обернувшись, кляцнула зубами в воздухе, не дотянувшись до схватившей ее руки. Совсем взбесила. Она схватила мерзкое животное второй рукой за ухо, зацепилась пальцем за глаз, сжала пальцы в кулак. Собака истошно завывала, а она отбросила в сторону шматок шкуры, путавшийся в и без того непослушных пальцах и, не отвлекаясь уже на бесполезные вдохи-выдохи, схватила снова правой рукой собаку за плечо и с наслаждением разорвала настырную тварь, легко-легко. Тишина. Она снова полежала в тишине, невидяще глядя в небо. Где-то неподалеку послышались резкие звуки, в небе отразились красные блики. Снова в голове мелькнул нечеткий образ. Эти звуки и мелькающие огни растревожили ее. Она поднялась в своей яме. Тоска, обида, а затем злость, кипучая, неуправляемая заполнили ее. Она отбросила в стороны разодранное серое тело, выбралась из ямы и пошла. И вот она все идет и идет, иногда бежит.

Зеленый «Форд» легко мчал по трассе в сторону города. Настя щурилась, глядя на ленту дороги впереди. Зря они поехали на ночь глядя. Дождь льет, дворники только успевают смахивать воду со стекла. Выспались бы у мамы. Нет, Леня в деревне ночевать не будет, что ты!

А Леня как раз был на подъеме, слава богу, вырвались! Никакой вонючей коровы за стеной, никакого туалета с дыркой – а в дырке комары, между прочим – все! Домой! А утром душ, кофе и плазма! Не для того он ее купил, чтобы пузатый телевизор смотреть в селе.

– Что, Владик, музыку включим? – он подмигнул в зеркало десятилетнему сыну, сидящему на заднем сиденье.

– Ага.

– А футбол завтра с папой будешь смотреть?

– Ага. А мультики будем? Я мультики хочу. И писать, – он был совсем уже большой, но его, уже готового улечься спать, вынули из пижамы и потащили в город, а он так хотел посмотреть завтра лошадь, сосед дядя Коля обещал прокатить... Поэтому он капризничал на всю катушку.

– Леня, останови машину, своди сына в кустики.

– Это кто там? Ты посмотри, чешет прямо по дороге!

– Какая-то женщина, вроде бы. Может, случилось что? – Настя выпрямила спину и вытянула шею, чтобы разглядеть фигуру, неуклюже бегущую в свете фар. Леня притормозил и медленно тащился за спиной загадочной бегуни. Это была толстущая тетка, вся мокрая, платье, кажется, разорвано.

Никакого внимания не обращает на машину, едущую сзади. Он нахмурился, остановил машину и посигналил. Странная женщина остановилась, постояла секунды три, наверное, соображая, потом повернулась к ним.

– Фу ты, Господи! – вырвалось у Лени. Опухшее старушечьё лицо смотрело на него, а может, и не на него, а сквозь. Глаза мутные, челюсть отвисла. Струи дождя текли по ее лицу, заливали глаза, но она не мигала.

– Что за привидение?! – Леня включил заднюю передачу, немного сдал назад, снова переместился рычаг, выкрутил руль и стремительно объехал поразительную женщину. Настя прищурила глаза и смотрела, чуть наклонившись, в правое зеркало машины. Что-то знакомое было в ее внешности. Интересно. И тут же вспомнила. Да, кто же еще! Не столкнись она с этой семейкой семь лет назад, сидела бы на должности тихой, без осложнений в личном деле. Нет же, карьеру хотела сделать, в громкой истории засветиться! Засветилась, ничего не скажешь. Поперли ее тогда с треском с работы. Теперь заштатный педагогика, самый мелкий гвоздь, согласно словарю Даля, м-да. Хотя нет, вроде бы они в машине взорвались? В июне месяце. Да и черт с ними со всеми.

– Леня! Ты отведешь сына писать или что?!

– А до дома не потерпит? Двадцать минут, и будем дома!

– Неет, я не потерплю!

– Леня!

– Да понял я! – он притерся к обочине, на всякий слу-

чай включил «аварийку» – уже было достаточно темно (он честно собирался переночевать в деревне, но в последний момент психанул чего-то, всех собрал, и помчался в ночь), приобнял сына за плечи, и они отправились к кустам за придорожной канавой.

Что это? Кто это? Что им нужно? Она оглянулась. Машина объехала ее и устремилась вперед по своим делам. Женщина, сидевшая в машине, заинтересовала ее. Кто такая? Смутная тревога заполнила ее. Она побежала вслед за машиной.

Настя сидела в машине. Душно. Она открыла дверцу. Дождь кончился, парило. В машине под потолком тускло горела лампочка, в контрасте от этой лампочки темень на улице казалась совсем непроглядной. Где там ее мужчины? Что копаются? Она поежилась. Сзади послышалось шлепанье ног. Настя выглянула и вздрогнула, из темноты довольно быстро приближалась грузная фигура. Настя встревожилась, захлопнула дверцу. Нажала на сигнал. Машина мелодично пропела. Настя оглянулась, где эта непонятная баба? Баба стояла позади автомобиля. Настя нахмурилась и продолжала смотреть. Женщина тяжело, будто бы наклонилась вперед и побежала, чтобы не упасть, прошлепала к ее окну. Наклонилась и вперила свои больные злобные глаза в Настю. Все лицо было злым. Складка между насупленных бровей давно

стала привычной. Привычно раздуты были ноздри.

– Что вам нужно? – громко через стекло спросила Настя. Женщина не отвечала. Она стала ощупывать дверцу, пытаюсь открыть, но при этом не сводила с Насти глаз. Настя протянула руку к фиксатору двери, но старуха опередила ее и распахнула дверь.

– Что вам нужно?! – взвизгнула Настя. Старуха схватила ее за локти и легко, как плюшевого медведя вытащила из машины, подняла над собой.

– Нина Николаевна! – и Настя протяжно завизжала от ужаса...

Она догнала их. Кто эта женщина? Почему так разозлила ее? Она сейчас все выяснит. Она подошла к машине, всмотрелась в лицо пассажирки. Да, она ей нужна. Зачем-то нужна. Бесчувственные пальцы ощупывали дверцу. Женщина что-то крикнула, она не поняла что. Через стекло все равно плохо слышно. Дверца поддалась. Она взяла это тщедушное тельце, вынула из машины. Сопrotивляется. Раздражает. Она подняла над собой брыкающуюся молодую женщину, непослушные ноги заприплясывали по дороге, как у собаки, танцующей на задних лапах. Она попятилась, споткнулась, и рухнула назад, роняя свою ношу, которая камнем повалилась вниз, а сама она неловко обрушилась сверху. Под ней что-то хрустнуло, она заскользила вниз и погрузилась в прохладную жижу канавы. Глаз она не закрывала. На секунду

она почувствовала облегчение, лежать в темноте канавы было отчего-то приятно. Но тело ее всплыло, она снова увидела звезды. Раздражение снова стало заполнять ее, как будто та жижа протекала в пустоту ее тела через поры. Она выкарабкалась из канавы, оскальзываясь, цепляясь за траву. Оглянулась. Из канавы торчали ноги в белых босоножках. Вот досада. Она еще не успела разобраться, что не так с этой девицей, а та уже сломалась. Она рыкнула, грязная вода, залившаяся ей в рот и нос в канаве, с бульканьем и брызгами вылилась наружу. Она куда-то шла. Да. Точно. Нужно двигаться. Двигаться. Она пошла. Перешла на бег. Нина Николаевна. Да. Нина. Слово звучало правильно. Точно. Нина. Нина. Она кивнула себе. Нина. Нужно запомнить.

– Настя! – Леня выскочил на крик жены, – Настя, ты где?! – и замер, как вкопанный.

– Папа! Что случилось? – застегивая джинсы, его догнал Владик. Леня схватил сына и быстро толкнул себе за спину, не отрывая взгляда от канавы, в которую, заваливаясь на бок, медленно погружались ноги в белых босоножках...

7.

Лидия Ивановна Смирнова разговаривала по телефону, одновременно стирая с лица маску:

– Да я и не расстраиваюсь, Вера. Пусть позорятся, пусть горлопанят! Кто так себя ведет на похоронах!? Я, Верочка,

никогда эту компанию не любила. Но они не на ту напали, я им быстро объяснила, кто они, а кто я, – Лидия Ивановна выбросила салфетку, как бы ставя точку в этом вопросе.

– Что ты говоришь?.. Да. Я тоже пойду спать. Спокойной ночи, Вера! Завтра созвонимся! – и выключила трубку. Она уселась в мягкую кровать, протянула вперед пульт, выключила телевизор. Затем удобно устроилась на подушках, расправила одеяло, взяла в руки книгу, прочла пару абзацев и почувствовала, что глаза ее слипаются. За окном снова припустил дождь. Лидия Ивановна выключила лампу на тумбочке и почти безмятежно уснула. Через некоторое время комната огласилась ритмичными трелями храпевшей пожилой женщины. А еще через некоторое время в соседней комнате послышался звук удара, словно что-то большое и тяжелое упало на пол, затем последовал звук разбившегося цветочного горшка. Лидия Ивановна всхрипнула резче обычного и разом проснулась. Она открыла глаза и прислушалась. Ничего не происходило. Только вот запах появился в спальне гадкий. И через секунду он стал гуще и гаже.

– Что такое? – Лидия Ивановна протянула руку к тумбочке, нащупала абажур лампы, нажала кнопку и зажмурила глаза от света.

– Фу ты! – то ли от яркого света, то ли от мерзкой вони у Лидии Ивановны зазвенело в ушах. Она открыла глаза, приходя в себя окончательно. Повернула голову в сторону двери и, вскрикнув, подпрыгнула в кровати.

– Господи, свят, свят! – она перекрестилась, – Что это?!

Сердце Лидии Ивановны сильно заколотилось где-то в горле, она силилась понять, что перед ней такое.

– НИНА?! – она снова перекрестилась, – Да я видно сплю еще!

В дверях ее спальни стояла только позавчера похороненная подруга. Или нечто очень ее напоминавшее. И в самом деле, с первой попытки трудно было признать в этом неподвижном одутловатом лице с отвисшей челюстью и немигающими глазами, в этой сгорбленной фигуре, ее надменную подругу. Платье, несомненно, то самое, в котором ее хоронили, но разорвано по всему правому боку, небольшой лоскут свисал с плеча, руки перепачканы не то землей, не то – кровью? Платье от колен вниз тоже все вымазано землей, туфли ободраны и перепачканы, остатки грима размазаны по лицу, волосы растрепаны совсем уж нехарактерным для нее образом, мокрыми прядками налипли на лоб и виски. Лидия Ивановна почувствовала, что во рту у пересохло, она спросила хрипло:

– Что, Нина? Что ты хочешь, упокой Господь твою душу! – на слове «Господь» щека подруги дернулась. Она вдохнула и тоже хрипло проскрипела:

– Мне к дочери.

– К какой дочери? Что это значит? – не поняла Лидия Ивановна. Страшная фигура вновь набрала воздуха в грудь, и Лидии Ивановне показалось это странным. Возможно, она

не заметила, но казалось, женщина делала вдох только для того, чтобы что-то сказать, а в остальное время не нуждалась в воздухе.

– К дочери! – голос прозвучал, как лай, – Там мне нельзя.

Лидия Ивановна никак не могла понять, что от нее требуется. Вчерашняя подруга шагнула к ней, Лидия Ивановна инстинктивно отшатнулась. Снова послышалось сипение вдыхаемого воздуха:

– Не там! К дочери!.. – она собиралась сказать еще что-то, но воздух кончился. Новый вдох.

– Адрес! – умершая протянула к Лидии Ивановне раскрытую ладонь.

– А, Иркин адрес тебе нужен? Сейчас, сейчас, минутку! – засуетилась Лидия Ивановна, слезая с высокой кровати так, чтобы она отделяла ее от жуткого существа, в котором свою подругу она уже перестала узнавать совсем. Лидия Ивановна трясущимися руками выдвинула ящик комода, стараясь держать в поле зрения визитершу, вытянула из под стопки полотенец ту самую расписку, написанную Иркиной рукой и протянула, – На, вот она.

Нина, так и стоявшая неподвижно с вытянутой рукой, схватила расписку всей пятерней, сминая листок, сжала руку в кулак. Еще несколько секунд посмотрела на старую верную подругу, затем рука ее опустилась, она развернулась и тяжелой походкой ушла. Лидии Ивановне стало дурно, голова грозила лопнуть, в груди закололо, пот прошиб ее с ног

до головы. Много она слышала историй о том, как мертвые приходят к близким до сорокового дня, и сама любила пересказывать их, да пострашней, а вот с ней самой впервые подобное приключилось. Она села прямо на пол, локтем вытерла пот с лица, закрыла глаза, силы и сознание оставили Лидию Ивановну, даря успокоение от кошмара.

Утро разбудило Лидию Ивановну первым розовым лучом, заглянувшим в спальню в шелку гардин. Лидия Ивановна открыла глаза. Все тело занемело, спина болела, в ушах звенело. Что это? Почему она здесь? А, сон, страшный сон. Привиделось, что Нина приходила, что-то хотела. Пойти сегодня же в церковь, свечку поставить. Лидия Ивановна с трудом поднялась на ноги и направилась в кухню, там в холодильнике стояли сердечные капли и лекарство от гипертонии. Кряхтя, двинулась она к дверям, но у дверей испуганно вздрогнула и уставилась широко распахнутыми глазами на грязный отпечаток руки на дверном косяке.

– Это еще что такое? – тихо и жалобно спросила она и повернула голову. Балконная дверь была приоткрыта, занавеска оторвана, любимый розовый куст в большом горшке валялся на ковре. Точнее, все то, что осталось от горшка. Розы были безжалостно растоптаны.

– Да что же это, – всхлипнула женщина, – не может этого быть, никак не может! Трясущимися руками она набрала номер дочери, разбудила ее и, рыдая, вызвала срочно к себе.

Александра жила через двор от Лидии Ивановны, поэтому собралась быстро. Прихватила с собой небольшого беспородного пса Дымка – пусть прогуляется пока то, да се, не выводить же его потом специально – и потопала по тропинке через двор. Дымок задержал ее у столба детской горки, а в это время мимо Александры прокатила «Скорая» с включенной сиреной. Александра почувствовала легкую тревогу – не к матери ли приехали? Нет, не может быть. А впрочем, с чего это она так срочно хочет видеть дочь свою любимую в такую рань? Телефон Александры показывал шесть пятнадцать. Она поддернула поводок Дымка:

– Пошли, хватит там вынюхивать непонятно что!

Когда Александра поднялась на третий этаж, то заволновалась уже по-настоящему, дверь не заперта, в прихожей в нос ударил запах спирта, мужской голос сказал:

– Ватку прижмите крепче.

Александра бросилась в комнату. Мать лежала на диване, рядом сидел врач в очках и что-то писал.

– Здравствуйте! Мама! Что случилось?!

– Гипертонический криз, – ответил за маму врач, – Соберите маме самое необходимое, мы забираем ее в стационар.

– Александра, срочно найди мне Ирку! – зловещим шепотом потребовала Лидия Ивановна, – Срочно! Пусть придет ко мне, а звонить не надо. Ты поняла меня, Александра? Поняла? – и губы Лидии Ивановны задрожали, в глазах за-

блестели слезы, – Срочно!

– Мама, да ты что?! Мамочка, отдыхай, выздоравливай, на кой тебе Ирка сдалась? Потом повидеаешься с ней, если не передумаешь, – удивление и страх охватили Александру.

– Срочно, Александра, сейчас же позвони! Номер в моем телефоне найди! – Лидия Ивановна дрожала.

– Хорошо. Где он у тебя?

Утром раньше всех будильников снова зазвонил Ирин телефон.

– Кому там нейдется спозаранку? – недовольно проворчала та, – Алло!

– Ирка, это Александра. Мама моя в больницу попала с давлением, просит тебя срочно к ней зайти, ей зачем-то с тобой поговорить нужно, срочно!

– А меня к ней пустят?

– Никому ничего не надо было сто лет, а теперь давай все умирать, и всем Ирку подавай! – не открывая глаз, проворчал Сережка, – хорошо еще, что по ночам не вызывают, как «Скорую». Выспаться не дадут трудовому населению.

– Ирка, зараза, я серьезно говорю! – закричала Александра.

– Не ори, я спросонья ничего понять не могу.

– Гони в больницу, в приемном я тебя встречу, разберемся! – и повесила трубку.

– Что, прямо сейчас? Не, ну ты смотри, вот и поговорили.

Через час Ира вошла в фойе приемного покоя. Никто ее не ждал. Никто из персонала не был в курсе Ириной проблемы. И когда наконец она повернулась, чтобы уйти, вдруг открылась боковая дверь, и вышла зареванная Александра, вытирая нос бумажной салфеткой. У Иры похолодело в районе желудка – неужели опоздала?»

– Привет. Что случилось? – нахмурилась Ира.

– Мама умерла, – удивленно сообщила Александра, явно не веря своим словам.

– Мне очень жаль, – растерянно ответила Ира после секундной паузы.

– Чего тебе-то жаль?! – внезапно заревела в голос Александра, – Тебе на всех наплевать! – она решила ничего не говорить больше Ире, отвернулась и пошла прочь вдоль коридора.

– А что Лидия Ивановна хотела? – крикнула Ира в коридор удаляющейся Александре.

– Не знаю! И знать не хочу! – зло крикнула ей Александра не оборачиваясь.

– Тьфу! – тихо сказала Ира, развернулась, и ушла восвояси.

– А и правда, плюнь. Нет, серьезно! Ну, кто она тебе? – Сережка старался быть рассудительным и немного циничным, во всяком случае, не подавать вида, что это и в самом

деле важно.

– Странная история. Зачем-то же меня туда позвали? – не унималась Ира.

– Мало ли что там придумала тетка эта старая, все равно уже не узнаем, так что выкинь из головы. Сегодня едем с Алексеем Петровичем с планировкой дома определяться, а до конца недели хорошо бы подготовить квартиру твоей родни и сдать – дел и без тетки хватает. Все, земля ей пухом, а ты к вечеру будь готова расписать в квадратных метрах, какая кухня тебе в новом доме нужна и где по фэн-шую ты хочешь ее воткнуть. Ну, все, мы приехали, нам шесть букв на новую аптеку нужно смонтировать. Целую! – и отключился. Ира вздохнула. Ну все буквально на этой неделе выключают телефоны, не дождавшись ее прощальных слов. И она набрала номер подружки:

– Анята, давай планировать комнаты!

8.

За день до визита, унесшего жизнь Лидии Ивановны, Валентина Александровна Черкесова приехала на дачу. Летняя пора задавала много работы в огороде, и Валентина Александровна с радостью бралась за любую. Вот уже пришло время собирать садовую землянику, редиска и чеснок требовали прополки, нужно было проверить все посадки, все полить, там подкопать, здесь подкормить. А еще к приезду мужа приготовить ужин. Гена собирался приехать восьми-

часовым рейсом, последним сегодня, да не успел. В результате поехал с приятелем на его машине совсем уж в ночь, да в добавок только до почты, а это значит, что еще километра полтора ему пешком топать до сюда. Валентина Александровна выпрямила спину и отерла лоб. Да, припозднился Геннадий Павлович, припозднился. А из-за него и Валентина Александровна до сих пор упорно трудится на улице. Вот уже где-то у забора палисадника на все лады заливаются сверчки. Честно говоря, она любит копаться в земле. У нее все растет, что ни посади. Соседи хвалят и спрашивают, какими секретами она пользуется, чтобы вырастить свои роскошные пионы, чем удобряла землю, что такую крупную картошку вырастила, у прежних хозяев здесь, помнится, ничего не росло. Прежние хозяева. Да уж. Дом прежних хозяев. Иногда тихий, а иногда такие странные звуки в этом доме услышишь, не приведи Господи. Как будто на чердаке по-прежнему кто-то живет. Она, Валентина Александровна, на чердак не поднимается. Никогда. И ни за что. Вот Гена если хочет – пожалуйста, а она ему тихонько спину перекрестит, пока он забирается по шаткой лесенке. Когда-то действительно крепкий был дом, вон сколько дворовых построек пропадает. Дорожка заасфальтирована, как-то сбоку чуть в стороне от дома. Значит, стоял тут сарай какой-нибудь, а может, дровяник. Да, славный был дом. Но не ее. Валентина Александровна лучше в огорожке покопается, вот здесь ее епархия, тут она королева. Гена, однако, что-то за-

держивается. Пора бы ему и приехать. Позвонить ему разве? И она пошла в дом, прихватив с собой пучок свежего зеленого лука. Вошла в сени, подвинула в сторонку ведро и замерла, прислушиваясь. Откуда-то, кажется из-за дома, доносился странный вой. То ли корова заблудилась, то ли собака поранилась. Валентина Александровна перекрестилась и набрала номер мужа.

– Гена! Ген, ты где? Ты знаешь, который час? Что?.. А, проулок наш видишь. Давай поскорее, Гена, тут какая-то собака вроде воеет, прогони ее, а то мне так худо и делается от нее.

Геннадий Павлович был пенсионер бодрый. Вся фигура подтянута, как будто привыкла к военной выправке, а был он всю жизнь простым честным работягой, сначала сталеваром, затем мастером. А на пенсии захотелось им с Валентиной свежего воздуха, тишины, смородиновых кустов. Этот дом очень кстати продавался, и недорого совсем. Правда, речки нет поблизости, зато есть пруды, все же можно и с удочкой посидеть. Но Валентина невзлюбила этот дом почему-то, все ей там мерещатся звуки разные. Собака вот еще какая-то – что еще за собака? Он перехватил покрепче сумку, поправил козырек кепки и ускорил шаг.

Валентина Александровна прислушалась к подозрительному вою. Хм.. Это точно собака? Да чего это она в собственном доме всего боится! Валентина Александровна ре-

шительно зашла в жилую часть дома. Настала тишина.

– Господи, так это точно на улице! – женщина почувствовала облегчение, – Запрусь и буду Гену здесь ждать, – специально сказала это вслух, чтобы было не так страшно. Решительно пошла в кухню, но на пороге так и вздрогнула, выронила лук и охнула. На старом табурете сидел кто-то. Низкое зловещее солнце светило ему в левую лопатку и Валентина Александровна не могла разобрать, кто перед ней. Ей даже показалось, что фигура вся была нечеткой, как будто немного прозрачной. Но это, конечно, оттого что низкое солнце светило прямо в глаза, решила она тут же.

– Вы кто? – голос зазвучал тоненько от испуга, – Как вы сюда... – существо повернуло к ней голову, и Валентина Александровна потеряла дар речи. Она подняла ладонь козырьком над глазами и наконец, смогла рассмотреть сидящую перед ней фигуру. Это была безобразная старуха, ужасно толстая, к тому же вся она была какая-то опухшая. «С похмелья дом перепутала, не иначе», – догадалась Валентина Александровна. Руки по локоть и колени старухи были густо перепачканы землей, уже подсохшей и кое-где отвалившейся небольшими комочками на пол. Весь правый бок старухи был потрепан: и платье изорвано, да и на просвечивающей бледняющей коже виднелись как будто следы хватавших ее рук. Глаза старухи были мутными, казались больными. Лицо было растерянное, неподвижное. И вот что самое странное заметила Валентина Александровна, отчего мурашки побе-

жали по всему ее телу, старуха отчего-то не дышала. Ни разу не сделала ни вдоха, ни выдоха за все время пока они друг на друга смотрели. Наконец старуха все-таки вдохнула немного воздуха и негромко завывала, скривив рот. Казалось, что она продолжила с того места, на котором Валентина Александровна прервала эту жуткую арию своим приходом. Валентина Александровна снова перекрестилась:

– Да что вы, женщина! Я уж подумала, не собака ли воет, а это вы! Идите-ка своей дорогой, откуда вы здесь?! Уходите дайте! – Валентина Александровна начала злиться и слегка приободрилась от этого. Старуха выдохнула все, что вдохнула, и теперь продолжала неподвижно сидеть, впевив в Валентину Александровну немигающий взгляд, не потрудившись даже закрыть рот. Валентине Александровне показалось, что десны старухи были неестественно темными. «Она и наелась, небось, земли-то! Совсем ум потеряла старая дура!» – раздраженно подумала Валентина Александровна.

– Ну, чего расселась?! Уходи, кому говорят!

Старуха снова набрала воздуха в грудь и хрипло спросила:

– А где Ирка?

– Что? Какая такая Ирка? Уходи давай! Откуда ты здесь взялась?!

Старуха поднялась, по-прежнему не дыша, не закрывая рта и не моргая. Валентина Александровна отступила на шаг.

– Вот, вот, давай, выходи, вон дверь, давай!

Старуха сделала неуверенный шаг вперед, еще раз вдох-

нула с шипением и сказала хрипло и зло:

– Ирка мне нужна. Срочно.

– Да какая тебе Ирка?! Нет здесь никакой Ирки! Я здесь хозяйка, да муж мой вот сейчас придет, живо тебе покажет, как по чужим домам лазить!

Старуха неподвижно выслушала всю тираду, так и не моргнув, набрала воздуха в грудь с тем же свистящим звуком, и вдруг пошла на Валентину Александровну:

– Ты – хозяйка? ТЫ – ХОЗЯЙКА?! – старуха схватила толстой рукой Валентину Александровну за лицо и швырнула от себя, как легкий сноп. Женщина упала, на пол со всего маху, дыхание перехватило, голова вспыхнула болью, будто раскололась, локтем задела какой-то угол, наверное, сервант, и закричала бы от боли, потому что больно было так, что даже задергались пальцы и подбородок, но удар словно парализовал ее грудь. Старуха! Чтоб ее! Валентина Александровна приподняла голову, ища глазами чудовище, моля бога, чтобы это оказалось сном, и одновременно тоскливая мысль зайцем пронеслась в голове: «Где Гена?!». Старуха стояла над ней. Одним движением, будто подкосились ее колени, старуха бухнулась на Валентину Александровну и придавила ее своей громадной тяжелой фигурой, не дыша и не мигая, подняла обе руки над головой и с силой обрушила кулаки на голову несчастной женщины.

Геннадий Павлович остановился на минуту у колодца –

очень вкусная там была вода, а в свой двор они с женой так и не собрались до сих пор вызвать бурильщиков, все недосуг было. Он выпил студеной воды, ополоснул лицо и шею, и продолжил свой путь. Подходя к дому, он втянул носом воздух, надеясь, что жена уже стол накрыла и поджидает муженька с нетерпением, хлебушек нарезает. Он даже улыбнулся. Распахнул дверь в дом, крикнул:

– Валентина! Принимай сумку! Где ты там? Муж голодный приехал!

Никакого ответа. Он поставил тяжелую хозяйственную сумку, скинул кроссовки, сунул ноги в тапочки и замер. Кто-то, тяжело топая, пробежал в доме. Чтоб его Валентина так топала? Гости, что ли? Или и правда, какой домовой здесь живет? Он прошел в жилую часть дома.

– Валентина! Где ты есть? Что это у тебя и лук на полу, – он шагнул за занавеску, закрывавшую дверной проем и остолбенел. Валентина, судя по одежде и одной калоше на ноге, лежала на полу, но вместо головы у нее было сплошное кровавое месиво с торчащими осколками костей. Под телом растекалась огромная лужа крови. Кровью были забрызганы стены и даже низенький оклеенный потолок. Геннадий Павлович перестал чувствовать ноги, в груди его что-то сжалось, он упал на колени.

– Валя! – прошептал он, – Что это? Что это, Господи?!

На другой день после работы Яна и Наташка сидели в сенях у подружки Жанки и пили самогон, не чокаясь, поминали Илюшку.

– Слыхали? В том краю села тоже старуху кто-то убил. Говорят, всю голову вроде молотком разнесли, – сердито сказала Жанка.

– Про старуху не знаю, а вот Илюшка наш на тех похоронах, говорят, остался, помните? Тогда всем водку раздавали прямо так, он и остался там конфет поесть, да водки попить, – отозвалась Наташка.

– Фельдшерица сказала, землей его накормили, да так, что и зубы выбили. Кто ж такая сука?! Это не наши, из наших никто б такого с Илюшкой не натворил, это городские, сволочи. Поди после похорон там кто-нибудь остался, да с пьяну нашего дурачка и уходил.

– А может у нас какой Чикатило завелся, а? – усмехнулась, глядя в стопку Наташка.

– Сплюнь десять раз, – посоветовала Яна.

10.

Юра и Инна Коваленко с восторгом осматривали свою новую квартиру, маленькую, светлую. Конечно, еще придется выплатить за нее ипотеку, а еще сделать ремонт, но вот она, СВОЯ квартира! И теперь уже ничего не страшно. У Инны был замечен круглый животик, но до рождения малыша они все могли успеть. А сейчас просто радовались жизни, бродили из кухни в комнату, затем на балкон и обратно, держась

за руки и улыбаясь так, как улыбались в самом начале своей романтической истории. С минуты на минуту ждали мастера-бригадира, чтобы договориться о фронте работ и стоимости. Будущие родители стояли посреди комнаты.

– Сюда поставим диван! – сказала Инна.

– Тогда туда поставим телевизор, – ответил Юра.

Инне показалось, что в комнате немного потемнело, она взглянула в окно – солнце светило с совершенно чистого неба, и она решила, что ей показалось. Трубка домофона запищала. Юра подошел к ней и ответил:

– Входите! – и нажал кнопку открывания дверей. Он пошел в прихожую, краем глаза заметив, что угол напротив балконной двери темноват. Это показалось странным, но, отперев входную дверь, Юра вернулся, взглянул в тот самый угол и никаких теней не обнаружил. «Показалось», – решил мужчина и забыл об этом случае.

На следующий день рабочие принесли мешки с клеевой смесью, плитку, сумки с инструментами, и пошла работа – загрохотал перфоратор, завизжала «болгарка», мужские голоса переговаривались, стараясь перекрыть шум.

– Саня! Подсвети мне, что-то не вижу ни черта!.. Вот, другое дело! – похвалил Боря, не прерывая своих упражнений с уровнем.

– Чего звал? – спросил Саня, выходя с кухни и держа в зубах саморез. Боря удивленно оглянулся.

– Да темно здесь, попросил подсветить мне.

– Где темно?

– Где-где, в Караганде! – рассмеялся Боря и посмотрел на стену, по которой водил уровнем. Солнце из окна светило прямо на это место.

– Заработался? – хохотнул Саня, и вернулся в кухню, шлепая сланцами. Боря продолжал недоуменно смотреть в стену, – Что за?.. А, черт с ним! – и продолжил работать.

Саня, насвистывая, перекладывал саморезы из баночки в две кучки, предстояло делать между комнатой и кухней барную стойку. Всем нужна барная стойка между кухней и комнатой, всем. А потом расставят на ней вазочки-букетики-открыточки, прочую какую-нибудь дребедень, а рядом поставят стол, и барная стойка все равно превратится в лишнюю полку. Но, кто платит, как говорится, тот и заказывает музыку. Или стойку. Перфоратор в санузле, наконец, сделал перерыв, и Саня отчетливо услышал за спиной слово «дурак». Он резко обернулся – никого. «Странные дела. И странный запах, – подумал он, – Что-то Никитос в санузле наваракосил, не иначе», – и снова повернулся к своим саморезам. Он взгляделся в недра жестяной кофейной банки, в поиске очередного самореза, и тоже заметил, что как-то потемнело. Поднял лицо, и с трудом разглядел край листа гипсокартона. Что за черт? Саня поморгал. Темнота рассеялась.

– Боря! – с нарастающей громкостью заорал Саня, – Никита! Перекур!

Боря с озабоченным видом вошел в кухню:

– Ты чего, Саня? – Саня стоял с видом человека, внезапно вырванного посреди сеанса фильма ужасов.

Из ванной подтянулся покрытый штукатуркой Никита:

– Что случилось?

– Саня требует перекур, – пояснил Боря.

– Лично я голосую за пиво, а заодно и за перекур! Мне в этой ванной какие-то черти мерещатся! Где это видано, чтоб черти на трезвую голову мерещились? Сначала нужно выпить! Порядок должен быть во всем!

– У Бори тоже глюки, – добавил Саня и нервно хихикнул, – пора промыть мозги пивом!

И парни решительно закончили рабочую смену.

В двадцать три двадцать пять дежурный по первому отделу полиции, старший сержант Воробьев принял вызов. Звонила старушка, представившаяся бабой Дусей, жаловалась на шум в квартире выше этажом. Наряд подъехал, но окна на третьем этаже были темны. На звонок никто не отозвался. Водитель, Паша Семичев, вышел из машины покурить. Пока ребята разговаривали с бабой Дусей, он взглянул наверх, на те самые окна. Ему показалось, что из-за балконной двери на него смотрит неподвижное страшное лицо. Он моргнул, потер пальцами глаза и снова взглянул наверх. Паша вовсе не был уверен в том, что именно он видел, все же была ночь, в стекле могли отразиться какие-то блики. Но он готов был

поклониться, что у самого стекла стоит человек отвратительного вида и, не мигая, смотрит на Пашу. Паша плюнул с досады, бросил сигарету в урну, промахнулся и забрался в машину.

Утром, а правильней сказать, ближе к полудню, на работу явилась бравая бригада из трех человек, двое несли в руках по банке пива. Боря повернул ключ в замке, распахнул дверь, но внутрь не вошел.

– Парни, мы же сюда не возвращались? – парни заглянули через плечо Бориса в прихожую. Саня присвистнул, Никита сказал:

– Не, пацаны, это не наша работа.

Они с опаской вошли в квартиру. Все в ней было перевернуто, плитка побита, гипсокартон изломан, как если бы кто-нибудь вздумал прыгать на нем. Стремянка была погнута. Молодые люди оглядывались, и удивление перерастало в беспокойство и страх. Никита снова сказал:

– Нет, это точно не мы. Смотрите, банка краски валяется, а кинули ее, похоже, вон туда, наверх, в угол, вся стена в брызгах и пол, а на нас ни капли. Значит, мы прямо из кафе к Сане поехали, сюда не заезжали.

– А кто это все сделал? – спросил Боря, – Хозяин сказал, что ключей два комплекта. Один у него. А второй, получается, у нас. Кто будет за это платить?

– Пацаны, валим! – решительно заявил Саня, и пошел

к выходу.

– А что с ключами решим? – спросил Боря. Ключи решили оставить соседке этажом ниже, приветливой старушке. Похватали инструменты, бросили в сумки и рванули вниз по лестнице. Никита задержался, чтобы отдать ключи:

– Здравствуйте, тетя Дуся! Мы вам ключики оставим от сорок восьмой квартиры? – и Никита обворожительно улыбнулся. Бабуля встретила его отнюдь не приветливо, молча взяла ключи и хлопнула дверью перед носом.

– Да что тут происходит?! – возмутился Никита, и побежал вниз догонять коллег.

11.

Лето шло своим чередом. Дождливые дни сменяли жаркие, городские жители при первой возможности бросались за город, жарили мясо, купались, особенно романтичные плели венки из полевых цветов, социальные сети заполнялись яркими снимками. На фото присутствовали свежewe-мытые автомобили, купальники на любой вкус, загорелые и не очень тела, овощи и фрукты, только что выловленные крупные и средние экземпляры щук, сомов, и прочих рыб помельче. У более обеспеченных граждан на снимках стандартно мелькали пляжи и светлые отели, неизменные композиции в стиле «я и пальма» или «я и некая экзотическая растительность», водные лыжи, горки аквапарков и прочие примеры мирного и беззаботного отдыха. Близился сезон грибов и лесных ягод, люди спешили взять от лета все, что

могли.

Сережка и Ира собирались будущую зиму встретить в собственном маленьком домике, поэтому свободное время проводили на строительстве, всем видом подгоняя рабочих. Надо сказать, что Ира еще страшно переживала за свои маленькие, под стать домику и участку, грядки, справедливо полагая, что и трактор, и кирзовый сапог, пройдя по зеленым луковым перьям или нежным веточкам петрушки, могут ущерба даже не заметить, а Ирино сердце не обязательно переживет такое горе. И она при каждой возможности путалась под ногами у рабочих, прохаживаясь поминутно мимо бесценных посадок то с лейкой, то с тяпкой. Под таким моральным гнетом строители быстро возводили стены, впрочем, та же спешка прощала им ежедневно то дверной проем не с той стороны, где он был тщательно спланирован, то ящик вместо ступенек, положенный «до послезавтра, а потом лестница тута встанет», но лестницу, естественно, даже и не планировали пока. Вот и бордовый забор заказали не вовремя, в результате Иру чуть удар не хватил при виде забора синего цвета вокруг домика в бордовых и молочных тонах. Пришлось Алексею Петровичу, кашлянув в кулак, взять слово и, нервно потирая то губы, то подбородок, объяснить, что им-де так посоветовал заехавший по случаю в наше захолустье столичный архитектор, и что синий забор, между прочим, защищает дом от злых духов, по старинному поверью, но закончил он свою речь все же понуриив голову и засунув руки

в карманы:

– Ну, нет у них сейчас бордового. Они думали, что нам через неделю понадобится, и продали, а мы вот вчера и нагрянули, а у них только синий в наличии, вот, – он бессильно махнул рукой в сторону синего безобразия, поправил кепку на голове и сунул руку в карман. Отступить было некуда, поставлен забор был уже крепко, оставалось только ворота и калитку повесить. Сережка осторожно поднажал:

– В принципе, если не придирааться, то забор уже стоит, а по мне так и не страшно, красиво даже, когда он синий.

Ира взглянула на него недобрым взглядом, вздохнула и, что-то бурча себе под нос, пошла взбираться по ящику в дом. Уже оттуда она крикнула:

– Я это переживу, если лоток сегодня вымоешь ты!

Мужчины пожали друг другу руки, – А давай Миху отправим на подвиг? А, Миха? – гроза миновала, и Сережка снова развеселился.

– Еще чего! – откликнулся Миша, не выходя из машины, – Кошки твои? Твои! Вот сам и мой! И так меня эксплуатируете через день, да каждый день.

– Не только эксплуатируем. Еще кормим. И в целом, любим и заботимся, – сказала Ира с порога, примериваясь спуститься вниз и не грохнуться с расшатавшегося ящика. Она отправилась к колодцу, держа в руках чайник и кастрюлю. В доме, не имевшем пока даже окон, разогревалась выдавшая виды электрическая плитка. Ира не жаловалась на такую по-

ходную жизнь, ужин на траве, затем поездка домой, кошки, домашние хлопоты. Уставала, но терпела. Сережка тоже ничего не говорил. Это была его идея, его мечта, и неудобства, сопровождающие эту мечту на пути к воплощению, он готов был переживать. Согласен был бы жить уже и в недостроенном доме, но уговорить на это Иру ни за что бы не удалось. Сережка был благодарен и за то, что она без нитья, или почти без нитья, и так почти каждый вечер проводила с ним здесь. Конечно, приходилось побегать и похлопотать об оставшейся от Ириной родни собственности, но что поделать. Когда он пришел в эту чужую квартиру, разбирал чужие вещи, думал о том, что люди эти поехали отдыхать, ни о чем таком не думали, а вот как все обернулось. Страшно ли им было? Больно? Он надеялся обсудить это с Иррой, хотя бы для того, чтобы убедиться, что она в норме, но Ира пришла туда, словно на работу, прибирала, упаковывала вещи в коробки, фотографировала и размещала в Интернете – и молчала. Он предложил ей забрать себе красивую картинку со стены и серьги – она удивилась. Сказала, что здесь ей все чужое, что лучше бы им побыстрее здесь все закончить и пойти домой. А серьги пусть в ломбард отнесет или маме подарит, если та не побрезгует, конечно. Так что жаловаться он не мог. Понятно, что она устала, но молчала пока. Самым тяжелым испытанием стала для них квартира матери Иры. Сережка видел в одном сериале, как человек свихнулся и начал собирать все подряд, любой мусор, а потом

так и умер дома, придавленный своими же вещами, скрупулезно собираемыми годами. Да. А теперь увидел это своими глазами. Ничего даже отдаленно прикольного, напоминающего тот сериал. Вонь, пыль, гниль, тараканы повсюду, наглые – расхаживают неторопливо, никого не боятся. Это не они сюда пришли, не они неожиданные гости, это он, Сережка, ошибся дверью и попал на их территорию. Пригодился захваченный для него Ирой платок, медицинская маска, перчатки и очки, какие используют для защиты глаз от стружки их строители. Отвращение, неотступное отвращение испытывал он, выгребая действительно горы хлама, способные заполнить не одну Газель. Он смотрел на Иру, и поражался, до чего она не вписывается ни в образ, создающийся у него от квартиры ее сестры, ни в образ жизни матери. Ира сгребала этот мусор, ни на секунду не останавливаясь, не разговаривая, Ирка-болтушка. Не желала ни одной лишней минуты там задерживаться. Сережка оставил окна открытыми в обеих квартирах, как ни странно, мертвецами пахло и там, и там. Ира зло пообещала зажечь в каждом углу по три ароматические палочки и сварить ведро кофе, чтобы перебить эту вонь, иначе эту помойку никто не снимет. После этого прибрать дачу и гараж было парой пустяков. И все же, оба они работали, кроме всего прочего, Ира продавцом, сам он монтажником рекламных конструкций, словом, за это лето они порядочно вымотались. Так что эпизод с забором прошел, можно сказать, гладко, и Сережка был рад.

12.

Наконец, обе квартиры были сданы. Ира вздохнула с облегчением, убирая в папку договор с жильцами.

– Я забыла в коридоре ароматические палочки.

– И эти тоже? – удивился Сережка.

– И эти, – сделала Ира виноватое лицо.

– Купи завтра еще, а то три кошки на одну квартиру – это уже почти газовая камера, особенно по вечерам.

– Куплю завтра. А тебе какие больше понравились?

– А какие ты в те квартиры отнесла?

– Ладан с корицей, – удивленно посмотрела на него Ира.

– Ладан? Ну и дела! – рассмеялся он, – Мне, наверное, корица понравилась.

А кое-кому понравился и ладан...

13.

У Захаровых было новоселье. Они удачно сняли квартиру. Хозяева намекнули, что если квартирка им понравится во время отопительного сезона, то они готовы будут им ее продать. А квартирка была что надо: встроенные шкафы с дверцами, легко скользящими в пазах, подвесные потолки, хороший ремонт в ванной, туалете, на балконе, дорожные люстры, два больших шкафа-купе, встроенная кухня (тоже не копейная), теплые полы везде, комнаты отдельные, третий этаж, лифт, хороший район, словом, не квартира – мечта!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.